

Декабрь, а на улице идёт дождь. Тепло. Погода совсем осенняя. Распускаются почки. На рынке продают грибы.

«Никак зима не установится,
Никак в Москве не ляжет снег.
То дождь, а то вдруг распогодится,
А снега нет ещё и нет».

Эти стихи я написал много лет назад. Тогда я ещё писал стихи. Теперь уже нет. Возраст, накопившаяся усталость и безразличность замораживают чувства. А без этого ничего не получается. Да я и не пробую.

Зовут меня Сергей Петрович. Мне 44 года. Говорят, что для мужчины это самый расцвет. Уже есть опыт и знания и ещё остались силы. Наверно, так и есть. Но ко мне сие относится только наполовину: силы есть, опыт и знания в наличии, но не сочетаются. Силы — отдельно, знания — отдельно. Как бы сами по себе. Нет связующего — настроения. Настроения активной жизни. Так, живу, работаю, существую. От сих до сих.

С Лидой мы живём уже 16 лет. Наверно, вначале мы любили друг друга. Иначе, зачем женились. Но как-то быстро и незаметно всё кончилось. Детей так и не получилось. Сначала Лида хотела обзавестись домом, потом случилась у неё неудачная беременность, и с этим вопросом оказалось покончено навсегда.

На работе ей дали участок. Лиде нравится копаться в земле. Только сойдет снег — она там. Что-то сажает, полет, поливает, прореживает, окучивает. А я никак не проникнусь. Конечно, на дачу приезжаю. Могу что-то приколотить, распилить. А за остальное не берусь. Лида это знает и не заставляет меня.

Живём мы вместе, но по отдельности. Каждый сам по себе. Я отдаю ей зарплату, она меня кормит и изредка спрашивает, как дела. Мы давно уже чужие, но живём не по принуждению, а по привычке. Как шло много лет, так пусть и идёт. Какая разница. У нас двухкомнатная квартира. Это удобно. Лида в своей комнате, я в своей. Друг другу не мешаем. Каждый смотрит по своему телевизору свою передачу. Утром здороваемся, вечером желаем спокойной ночи. Она женщина хорошая, так что на мою долю быть плохим. А может я тоже хороший, просто другой.

Но мы не соседи. Ведь что-то же всё-таки было. Иногда мы даже разговариваем. Ездим вместе на дачу, ходим в гости и принимаем гостей.

У Лиды удлиненное лицо, подчёркнутое гладкими, зачесанными назад и собранными в пучок волосами. Она худощавая. Я бы сказал худая, но на это она обижается. Так что пусть будет стройная. Она этим гордится. Не то чтоб красавица, но привлекательна. Когда я женился, друзья оценили мой хороший вкус. Давно это было.

Любая женщина больше 48 размера для Лиды просто жирная корова. Видела бы она Веру. Если наши отношения держатся на привычке и хоть каком-то уважении, то после этого наверняка всё бы закончилось. Лида ушла бы, даже не повернув головы, не попрощавшись, оскорблённая в лучших чувствах. И дело даже не в самой измене, в том, с кем измена.

Вера полновата. Она из тех, кого Сергей Есенин назвал «Рязанская мадонна». Простое русское лицо. Сдержана. Часто она производит впечатление бесстрастной до равнодушиности. Но стоит ей улыбнуться, как становятся видны впечатлительная натура, отзывчивая душа и острый ум.

Мы с ней встретились шесть лет назад в Крыму. У меня случился отпуск в октябре. В Подмоскowie мокро и холодно, и я поехал отдыхать в Ялту. Я люблю это место. По-моему там хорошо всегда, в любое время года. Хотя нет. Летний Крым я не очень люблю: жарко, толпы курортников, фруктов ещё нет и всё дорого. Лучше всего в сентябре: не жарко, сухо, людей мало, море ещё теплое, чистое. Хорошо весной, когда всё цветёт и радуется теплу. Даже зима со штормами, снегом на Яйле и робким теплом в Крыму по-своему уютна и привлекательна.

Лида на юг не ездит. У неё дача и какие-то, по-моему, выдуманные болезни. Так и получилось, что поехал я один. Пустая, прохладная Ялта. Туманы. Серое, изредка штормящее и чуть тёплое море. На набережной тихо. Большинство кафе и ресторанов, из которых летом неслась оглушающая музыка, закрыто. Редкие отдыхающие кутаются в теплые куртки.

Мне нравилось приходиться в Приморский парк, садиться на лавочку и смотреть на пустынное море. Теплоходики, что катали отдыхающих вдоль побережья и на дальние пляжи, уже вытащены на берег, катера убраны. Нет яхт. И только волны монотонно катятся к берегу.

На этой лавочке мы и познакомились. Она села на другом конце и молча и спокойно смотрела на море. У неё была напряженная поза очень уставшего и ещё не отошедшего от забот и волнений человека.

Тишина и молчание нас сблизило. Невозможно долго молчать, находясь рядом. Мы так и не смогли потом вспомнить, кто из нас первым заговорил. Она говорила, что я, мне казалось, что мы заговорили оба одновременно. Но я помню точно, что сначала я молча, про себя заговорил с ней, подбирая слова, соответствующие обстановке и настроению и не решаясь произнести их вслух. Мне казалось, что любые самые добрые, самые тёплые и внимательные слова будут чужими для серого волнующегося моря, раскачивающихся вершин кипарисов и бледного осеннего солнца.

Вера впервые была в Крыму, и я с удовольствием показывал ей дворцы и парки, скалы и заливы, дворики, увитые виноградом, дома, опоясанные глицинией, речки, затихшие в ожидании зимних дождей.

Оказалось, что она из моего города. И живёт почти по соседству.

К нашему удивлению курортный роман после возвращения не прекратился. Вера на три года моложе меня. Она живёт с мамой и дочкой. Мы продолжали встречаться, но какие это встречи. Пройтись по улочкам, выбирая какие подалее от дома и самые пустынные. Изредка сходить в кино. Весной мы взяли отпуск и опять поехали в Крым. Он стал нашим прибежищем. Здесь мы чувствовали себя дома. С тех пор мы каждый год ездили вместе в Крым. Иногда даже два раза в год: весной и осенью. В то время у меня была возможность подработки, да и премии бывали, так что денег на поездки хватало.

Мы обошли и объехали если не весь Крым, то уж Южное побережье точно. Это были дни светлого, лёгкого счастья.

Вера всепогодна. Ее взаимоотношения с окружающей средой очень просты: «Нет плохой погоды, есть несоответствующая одежда». Ей совершенно всё равно: солнечная погода или пасмурная, дождь или снег, тепло или холодно. Во всём она находит свою прелесть.

Зимой мы катались на лыжах. Мы уходили в лес. Накатанная лыжня, тёмный даже зимой еловый лес и совершенно прозрачные березняки. Потом мы пили кофе в маленьком кафе, сутробы вокруг которого были густо утыканы лыжами. С мороза да с устатку жиденький белёсый кофе и почти не сладкие пирожные казались нам необыкновенно вкусными.

Мы катались до весны, до той поры, когда снег в лесу уже густо усеян хвоей, а на полянах зеленеют проталины, и остаётся только льдистая и от того не тающая лыжня.

Осенью мы ждали зиму, как праздника. Ждали снегопадов. Ждали наших субботних лыжных прогулок. И переживали, если зима опаздывала. Именно в такой год я написал те стихи.

Я думал, что это будет длиться вечно, но всё изменилось в морозное ноябрьское утро.

Я шёл на работу. Вечером сыпал дождь, а к утру подморозило. Привычно серая улица расцвела. Мостовая, тротуар и ветви деревьев блестели, отражая фонари и окна, рекламу, огни проезжающих, точнее проползающих машин. Чистые, яркие цвета. Это было прекрасно, только скользко. Пешеходы, боясь

упасть, семенили. Пару раз я поскользнулся, но устоял. А девушка, шедшая передо мной, не удержалась. Она лежала на боку, подвернув ногу.

Я поднял её. Она наступила на больную ногу, охнула и прислонилась ко мне.

— Держитесь за меня. За углом поликлиника, возможно, там есть травмопункт или хирург.

Мы доковыляли до поликлиники. Ей сделали рентген. Оказалось, что у нее вывих и сильное растяжение. Ей наложили повязку и велели лежать. Я позвонил на работу и сказал, что задерживаюсь. Сослался на падение. Мне пожелали поправляться.

— Вы где живёте, далеко?

— Нет. За три дома отсюда.

Я отвёл её домой. Судя по всему, жила она одна. В холодильнике пусто. Молодость! Сходил в магазин, купил продуктов и шоколадку. Дверь не заперла, благо магазин был в её доме. Этот магазин я хорошо знал — почти каждый день ходил за хлебом.

Когда я вернулся, девушка лежала на диване.

— Вы где были?

— Продукты принёс.

— Спасибо, я бы сама.

Пожелал ей здоровья и пошёл на работу.

Через день была суббота, и я зашёл навестить её. Она долго не отпирала. Когда дверь открылась, я разглядел её. На вид лет двадцать, может чуть больше. Миловидное лицо с огромными серыми глазами. Ладная фигурка. Моему приходу она не удивилась.

В этот раз мы представились. Её зовут Аня.

Нога распухла. Она передвигалась по квартире, опираясь на какую-то палку, скорее доску.

Я заходил к ней еще несколько раз. Наше общение ограничивалось снабжением её продуктами и разговорами. Она оказалась прекрасной слушательницей. А мне было что рассказать. Всё-таки за 44 года можно что-то узнать, что-то пережить. Так что тем хватало. Удивительно, но она знала и любила фильмы моей молодости. И это было приятно. Мы вспоминали «Весну на Заречной улице» и «Высоту», «Вертикаль» и «Мужики», «Белое солнце пустыни» и «Белые росы». А мой любимый фильм «Дни Турбинных» она не видела и книгу не читала, так что я, как мог, рассказывал ей о Турбинных, Мышлаевском, Лариосике и обещал достать ей диск и принести книгу.

Через десять дней она поправилась, но я продолжал заходить. Мы пили чай (кофе она не любила) и разговаривали. Потом стали иногда прогуливаться.

Примерно через месяц Коля, приятель и сослуживец, спросил: «Ты что, молодую любовницу завел?»

— С чего это ты взял?

«Ленинград — город маленький» — процитировал он. — Она не мелковата для тебя?

— Не говори ерунды. Она мне в дочки годится.

— Ну, смотри. Дело твое. Молодое — усмехнулся он. Но больше на эту тему завести разговор не пытался.

За новыми заботами и, честно скажу, интересами я совсем забыл о Вере. Она сама пару раз позвонила на работу, но я говорил, что очень занят.

В этом году зима странная. В ноябре были морозы, а в декабре идут дожди. Тепло.

Лида переживает. На даче прорастают тюльпаны. Она боится, что цветы погибнут. Лида вообще не любит всего необычного. У неё всегда порядок всё чисто, сияет и лежит на своих местах. Аккуратность у неё благоприобретённая. Она рационалистка и знает, что вещь легче найти, если та лежит в определённом, всегда одном и том же месте. Рациональность позволяет ей компенсировать некоторую жесткость ума.

Анька декабрьским дождям искренне рада. Она постоянно тянет меня на улицу пошлепать по лужам. Лужи в конце декабря намного интереснее луж октябрьских или апрельских. Ей хочется, чтобы в новогоднюю ночь пошёл дождь, и на деревьях полопались почки. Она всё-таки ещё совсем ребенок. Она говорит, что будет рассказывать об этом внукам, потому что такое может случиться раз в столетие, а то и в два.

Это продолжается уже три месяца. Мы встречаемся, я бываю у неё дома. Мне приятно видеть её, разговаривать с ней, немного ухаживать. Она любит мармелад, особенно в шоколаде, и пастилу. Девчонка! И я с удовольствием снабжаю её этими лакомствами.

К вечеру потеплело. На сегодня работа закончилась. Я не люблю свою работу. Тоскливо читать, писать, перебирать какие-то бумаги. Скучно. Я всю жизнь работал в НИИ. Это было интересно. Видимо, мои мозги приспособлены к научной работе.

Домой идти не хочется. С Верой мы виделись на прошлой неделе, поговорили и расстались почти как чужие. Мне перед ней неудобно, но ничего не могу с собой поделат. К Ане заходил позавчера. Сегодня не пойду. Так часто нельзя. Ведь кроме общения и мармелада нас ничего не связывает. Конечно, что-то там, глубоко запрятанное есть. Но спрятано даже не от неё, а от меня.

Я боюсь задумываться о будущем. Это не может продолжаться долго. Рано или поздно я стану для неё чужим. У неё свои интересы, свои друзья. В какой-то момент она увидит перед собой просто пожилого мужика, и всё кончится. Я страшусь этого. У меня к ней какое-то странное, непривычное чувство. Что-то очень тёплое, которое дремало в моей душе, как свернувшийся пушистый котенок, который проснулся и играет с солнечным зайчиком.

Пожалуй, все-таки загляну к ней. На минутку. Я обманывал себя. Мне с самого начала было ясно, что зайду.

Аня открыла сразу, как будто стояла за дверью.

— Серёженька, как хорошо, что зашёл. Я так соскучилась.

Никогда она не называла меня Серёжей. Да и по имени-отчеству крайне редко. Обычно ограничивалась местоимениями, а чаще просто, вроде: «Пойдемте гулять».

— Ты раздевайся и проходи, а я пока кофе сварю.

Я вошёл в комнату. За столом сидели Лида и Вера. Аня с кофейником в руках стояла в дверях. Все молчали.

Лида сидела нахохлившись, обиженная. У Веры вид безразличный. Она всегда не любила выдавать своё настроение, прячась, как улитка в раковину, за внешнее спокойствие. Анька была серьёзна, но в глазах чертики — она веселилась.

Первой нарушила молчание Лида.

— Что молчишь, дорогой муженёк? Может, скажешь что?

— Кофе пить будете? — неожиданно вырвалось у меня.

— Так ты здесь кофе пьёшь. Может, тебе и постельку стелют?

— Не хаами. Во, боевой отряд спасения морали? Интересный у вас союз. Вы чего пришли-то, меня спасать или просто поскандалить?

— Ты думаешь, что такой умный. Да я про Веру давно знаю. И как на юг ездите, и как на лыжах катаетесь. Спортсмен! Всё знаю. Твои друзья постарались: и адресок, и телефончик дали. Но терпела. Понимала, что не уйдёшь от меня. Не из-за любви, её давно уже нет, а потому что ленивый ты. Менять всегда сложно, вот ты и будешь и тут, и там, пока кто-то из нас двоих тебя не выгонит. А выгонит тебя Вера. Морочишь бабе голову, а толку от тебя, как от козла молока. Действительно, козёл!

— Жаль, парткомов нет. Ты бы написала, и меня под белы ручки сразу к тебе и доставили бы. Да, нам с Верой было хорошо. Очень хорошо. Когда-то и нам с тобой было хорошо. А Аню не обижай. Она тут не при чём.

— Конечно, не при чём. А при чём? При мужике чужом?

— Хватит. Поговорили. Анечка, давно они тут нервы тебе треплют?

— Постыдился бы. Она ж тебе в дочки годится, кобель несчастный. Вот уж действительно, седина в бороду. Только бороды у тебя нет. Одни лохмотья редкие на голове.

— Стыдиться мне нечего. Насчёт счастья ты сама знаешь. Его у нас с тобой маловато. А бороду и отрастить несложно.

Вера сидела, не шевелясь, и, кажется, ничего не слышала.

— А ты что молчишь? Любовница! У нас с тобой мужика уводят, а тебе все равно.

— Ты что, слепая! Да посмотри ты на него. Столько лет с ним прожила, а мужика своего как в первый раз видишь. Совсем не знаешь.

Лида зыркнула на Веру и повернулась в Ане.

— Ну а ты что, как воды в рот набрала? Он же тебе в отцы годится. Неужели не стыдно?

Аня молчала. Но уже не было чертиков в глазах, а появилось новое, по-настоящему взрослое выражение, которого я никогда раньше у неё не видел.

— Хотите, чтобы сказала? Пожалуйста. Пусть вам хуже будет. Люблю я его. Она повернулась ко мне.

— Тебя люблю. Это хорошо, что они пришли. Иначе наверно никогда и не сказала бы этого. Ты же ведь порядочный. Всегда относился ко мне, как к девчонке. Симпатичной, забавной маленькой девочке. А я не девочка. Я женщина. И я люблю тебя. Как я мечтала, чтобы ты обратил на меня внимание, мужское внимание.

Аня поставила, наконец, кофейник на стол. Вздохнула.

— Лида — жена, Вера — любовница. А я кто? Не жена, не любовница. Это вы ему никто, а я ему жена. Не формальная, не фактическая, а настоящая. Мне всё равно, женишься ты на мне или нет. Я хочу детей и хочу, чтобы это были твои дети. Помнишь, я говорила о внуках. Но чтобы внуки были, сначала должны быть дети. Или твоя наука считает, что иначе можно. Нельзя! Ты мужик порядочный. Это они думают, и пусть думают, что мы с тобой черти чем занимались. А ты ни разу ни намеком, ни каким-либо движением ко мне не приблизился. Но я не хочу и не могу больше играть в дочки-матери. Извини, в дочки-папы. Ты не мой папа, а я не твоя дочка. Я — женщина, а не маленькая девочка.

— А теперь уходи. И если вернёшься, то навсегда. А папа, кстати, у меня свой есть. Как ни смешно, но он твой ровесник. Но ты не смущайся — вы подружитесь. Я своего папу знаю.

Она замолчала, села за стол. Теперь за столом сидели три женщины. Женщины, которые мне были близки. Женщины, которых я в разное время любил. И в этой любви я был с ними честен.

Лида тихо плакала. Вера обмякла и сидела, сжав руки. Аня с опущенными плечами уткнулась в стол.

Я вышел на улицу. Весна. Лужи. Первая же машина окатила меня с головы до ног.